

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ТУВЕ В ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ В СОСТАВЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

The System of Taxation in Tuva in the Period of its Incorporation into the Ch'ing Empire

А. А. Самдан (A. Samdan)¹

¹ кандидат исторических наук, заведующий сектором истории Тувинского института гуманитарных исследований (Ph.D. of History, Head of the Department of History at the Tuvan Institute for Humanities). E-mail: samayana@rambler.ru.

После вхождения Тувы в состав Цинской империи в первой половине XVIII в. были введены разные виды налогообложения населения. В статье на основе архивных источников предпринимается попытка систематизации разных налогов, собиравшихся с тувинских хошунов. Показано, что в результате непосильного размера налога, а также навязанного русскими и китайскими купцами натурального и долгового характера торговли, социально-экономическое положение Тувы значительно ухудшилось.

Ключевые слова: налог, пушнина, повинности, Маньчжурская империя, тувинские хошуны, пограничные караулы.

Various taxes to be collected from the population of Tuva were introduced after Tuva's incorporation into Ch'ing empire. The article based on archive sources attempts to systemize all sorts of taxes collected from khoshuns of Tuva. The main unit of direct tax (alban) was in the form of sable furs. Extermination of fur-bearing animals and penetration of Russian and Chinese commercial capital into Tuva led to increase of price for furs and impoverishment of the population of Tuva. Undurug was one more kind of tax which had to be paid on domestic animals. Undurug was used to pay salaries to officials and for various economic needs.

Military duty seemed to be the most burdensome because it involved labor and financial resources. According to the "Code", there were made "military lists" once in every three years and men from 18 to 60 years old had to take part in annual military call-up. In doing so, they had to provide themselves with the ammunition, two replacement horses and foodstuffs. In addition, guard duty on the borders of Tuva and urton duty (maintenance of messenger service) lay as a heavy burden on arats (poor herdsman). In particular, urtons had a military organization and Tuvan khoshuns had to pay salaries to officials and maintain urtons. The average expenses for maintenance of all nine urtons equaled up to 4,860–6,480 lans of silver.

Thus, Tuvans had to pay various kinds of taxes and perform various duties in the period of Ch'ing empire. Penetration of Russian and Chinese commercial capital, barter trade and usurious type of commerce imposed by Russian and Chinese merchants considerably aggravated the difficult socio-economic situation as it was in Tuva.

Keywords: tax, furs, duty, the Manchurian Empire, Tuvan khoshuns, border guards.

После вхождения Тувы в состав Цинской империи в первой половине XVIII в. тувинцы были вынуждены нести определенные повинности. Последние можно разделить на три группы: 1) албан — государственная подать, прямой налог в виде пушнины; 2) ундуруг — повинность, связанная с местным налогом (исчислялась скотом); 3) воинские, караульные, уртонные, административные, трудовые, продуктовые и др. повинности.

Маньчжурские власти официально установили размер албана — пушного налога, собираемого с тувинского населения.

По утверждению многих исследователей, всего было определено 3000 податных өреге (юрт). Эта цифра оставалась постоянной, поскольку число налогоплательщиков условно считалась неизменным. В число податного населения входили лица мужского пола от 16 до 60 лет.

Изначально было установлено собирать по пять соболей с каждого өреге. Но уже в 1727 г. цзянь-цзюнь Цэрэн уменьшил размер налога, видимо, боясь недовольства населения. «Из годового налога в пять соболей (с каждого двора), — говорилось в документе, — вычесть два соболя» [Оюун-

жаргал 2009: 40]. Сдача налога регулировалась законами Маньчжурской империи, и за несвоевременную и недостаточную уплату налога следовали суровые наказания и штрафы.

В единичных случаях, если на это имелось разрешение улясутайского цзяньцзюня, разрешалось вносить вместо соболей другую пушнину. Так, А. В. Адрианов, Г. Е. Грумм-Гржимайло писали, что «одна шкура соболя приравнивалась к 40 шкурам белок; шкуры барса, рыси и выдры — к трем соболям; волка, лисы и росوماхи — половине соболя; куницы — в четверть соболя» [Грумм-Гржимайло 2007: 627]. В архивных источниках отражены другие выкладки: 1 шкура соболя была равна шкуре 1 выдры, или 3 шкурам рыси, или 2 шкурам лисицы или же 40 шкурам белок. Вышеперечисленные пушные звери считались албанными, и поэтому строго запрещалось их продавать и покупать.

С целью обеспечения установленной нормы «дани пушпиной» в 1788 г. амбын-нойон Тувы Даши издал приказ, в котором строго запрещалось покупать и продавать пушнину, торговать ею в кредит, давать ее в долг. Ответственность за соблюдение данного указа Даши возложил на всех чиновников тувинских сумонов, от десятника до чангы¹ [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 1. Л. 9]. От уплаты албана были освобождены бедные и старики, но они должны были выполнять другие трудовые повинности. Кроме того, в пушной налог включались разные надбавки на расходы, связанные как с самим сбором налога, так и с доставкой его улясутайскому наместнику.

Ежегодно в период промысла правители хошунов организовывали охоту. «По окончании же промысла приступают к разобранию всех добытых каждою ротою собольих шкурок и записывают сколько из оных какой доброты и сколько всех вообще» [Уложение 1828: 207]. При приеме пушнины шкуры тщательным образом сортировались, и на каждой из них ставилось клеймо. Также составлялся список на случай отбраковки шкуры при сдаче, чтобы по нему можно было восстановить налогоплательщика и обязать его возместить брак.

Позднее, после проникновения в Туву русского и китайского торгового капитала, уменьшения лова зверей, помимо замены соболя на другие виды пушнины, прямой

пушной налог можно было заменить домашним скотом. Но здесь не было принято единой системы мер, что давало возможность сборщикам завышать размеры самих налогов и надбавок к ним, обращая поборы с населения в свою личную пользу.

Чтобы вовремя и в должном количестве сдать албан, зачастую правители хошунов были вынуждены брать под большие проценты пушнину и деньги у китайских и русских торговцев, что привело к резкому скачку цен на пушнину. Так, в 1860 г. правитель Хемчикского хошуна Очур должен был выплатить всего 1000 шкур белки, 500 овец, 446 голов крупного рогатого скота [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 81. Л. 79]. В 1881–1886 гг. Хемчикский и Бээзи хошуны были должны 2964 ланов серебра. Каждый год на эту сумму набегали проценты — более 1000 ланов серебра [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 107. Л. 30]. В 1894 г. один только Хемчикский хошун задолжал китайскому торговцу более 8000 ланов серебра [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 137. Л. 260]. По данным П. Е. Островских, только в 1896 г. у русских купцов было приобретено тувинцами для уплаты албана 726 рысей, 240 соболей, 20 бобров, 179 выдр и 16947 белок [Дулов 1956: 218].

По данным видного исследователя истории Сибири В. И. Дулова, за полвека цена на пушнину повысилась более чем 8 раз, или с 54 до 450 тыс. руб. [Дулов 1956: 220]. Например, если в 1870-х гг. соболь стоил 6 руб., белка — 10 коп., то в 1913–1914 гг. цена на соболя поднялась до 50–53 руб., а на белку — до 40–42 коп. Шкуру одного соболя можно было купить почти за семь годовалых бычков. Повышение цены на пушнину В. И. Дулов связывал «с ростом вывоза пушнины из Тувы и с уменьшением пушного зверя из-за его хищнического истребления» [Дулов 1956: 219].

Ежегодно весной и осенью правители хошунов приезжали на чыыш (съезд) для распределения албана, образовавшегося долга по хошунам и для сдачи собранного ими налога. Чыыш продолжался 3–10 дней, расходы (юрты, провизия, подводы) собирали с аратов. Чиновники управления амбын-нойона тщательно проверяли албан и снова все сверяли. Затем весь налог заносился в список и в сопровождении чиновников доставлялся в Улясутай. При этом чиновники обязательно должны были иметь при себе «надлежащее свидетельство» и быть включенными в «особенный список» с указанием

¹ Чангы (манч. *занги*) — командир эскадрона.

чина, возраста и т. д. Если же среди сопровождающих лиц находились люди, которые не были включены в список и «сами не состоят еще ни в какой степени», то, согласно «Уложению», «главноначальствующих князей под теми дивизиями (т. е. хошунами. — А. С.), к которым таковые принадлежат, какой бы они ни были степени, наказывать удержанием жалованья за один год, а помощников главноуправляющих взысканием 5 девяток¹ скотин с каждого» [Уложение 1828: 204]. Следует отметить, что право сопровождать албан имели только правители хошунов. Только в случае болезни или старости они с разрешения амбын-нойона могли отправить кого-либо вместо себя. В случае же, если «не поедет сам, а пошлет под своим именем другого с подносными дарами, такового лишить достоинства и взыскать с него еще 5 девяток скотин пени, а тому, который принял на себя его имя, дать 100 ударов плетью и сверх того доправить с него 3 девятка скотин» [Уложение 1828: 205].

Для сбора образовавшегося долга албана приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня, разумеется, все расходы по их содержанию ложились на тувинские хошуны. В 1889 г. в Туву три раза приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня. В один из таких приездов в качестве подарка улясутайскому цзянь-цзюню и его чиновникам амбын-нойон выделил 16 шкур рыси, по 7 — соболей и лисицы, 280 шкур белки, чая, разных хадаков и тканей. Затем в пользу амбын-нойона с тувинских хошунов было собрано ровно в два раза больше — 32 рыси, по 14 — соболей и лисицы, 560 белок, а остальные товары были оценены в 2067 шкур белок. На провизию амбын-нойон собрал 8 волов и 1 корову, на подводы — 10 волов [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 113. Л. 126].

Ежегодная сдача албана привела к тому, что целые тувинские хошуны оказались в огромных долгах. Зачастую податное население не справлялось даже с прямым налогом, поскольку из года в год уменьшалась добыча пушнины, соответственно, цена на нее росла, в отличие от цены на домашний скот. Таким образом, население стремительно нищало.

¹ Девятка — основная единица штрафа скотом. В состав одного девятка входили четыре головы крупного рогатого скота и пять овец, которые в случае необходимости могли заменяться другими видами скота.

Ундур, как было сказано выше, в основном взимался скотом. Его размер был установлен в «Уложении» и определялся следующим образом: с пяти голов рогатого скота взимался 1 баран; с 20 овец — 1 баран; с 40 овец — 2, «а более сего не брать, хотя бы кто имел и гораздо большее количество сих животных» [Уложение 1828: 132]. Основные расходы собранного ундурга составляли выплаты жалования чиновникам, служащим канцелярии амбын-нойона, хошунов и уртонов, на разные канцелярские и хозяйственные товары, а также на содержание уртонов.

Таким образом, албан и другие поборы легли тяжелым грузом на тувинских аратов. Г. П. Сафьянов приводит следующие факты: довольно состоятельный тувинец, имеющий «200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 200 овец, заплатил в 1898 г. податей и поборов: 600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец и 4 взрослых бычка» [Яковлев 2007: 227–228]. Эти поборы довели народ до обнищания. Как подчеркивал Вс. Родевич, «эти поборы уже несколько лет превосходят прибыль от стад, и сойоты, особенно богатые, постепенно разоряются. Они когда-то были значительными скотоводами по всей Монголии, теперь если у кого сто голов скотины, тот уже выдающийся богач» [Родевич 2007: 577].

Помимо прямого обложения, араты должны были нести и **воинскую повинность**. Как известно, административно-территориальное управление в Цинской империи было организовано по военной системе. Правители хошунов и сумонов имели воинские звания.

Согласно «Уложению Китайской Палаты внешних сношений», один раз в три года составлялись «военные списки» мужского населения, «производя оную эскадронно (по сумонам. — А. С.) с показанием числа семейств самым вернейшим образом» [Уложение 1828: 93]. Ежегодно мужчины от 18 до 60 лет проходили военные сборы, имея при этом полное военное снаряжение, двух сменных лошадей и собственную провизию. В мирное время «один из трех должен иметь и носить военную одежду, а в военное время двое из трех отправиться в поход» [Уложение 1828: 100]. В случае мобилизации за бегство, несвоевременное прибытие в зависимости от сословной принадлежности виновные наказывались удержанием жалованья, штрафами, бичеванием до 100

ударов плетью, смертной казнью, снятием с должности.

В 1880 г. по приказу улясута́йского цзянь-цзюня из Тувы были мобилизованы 2000 воинов на военную подготовку. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил воинскую повинность по следующим пяти хошунам: Тес-Хемский — 400 воинов, Базыр — 400, Майдыр — 400, Хубсугульский — 400 и Тоджинский — 100, Бээзи хошун — 230 и Даа хошун 70 [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 69. Л. 68].

Помимо людских ресурсов, немало средств уходило на содержание самих воинов. В 1872 г. амбын-нойон Тувы получил приказ от улясута́йского цзянь-цзюня о выделении средств для отправки в Или войска, подвод, выплаты жалования, строительства дополнительных уртонов. В связи с острой нехваткой провизии войскам из Танну-Урянхы следовало срочно собрать и отправить 10000 голов овец. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил необходимое количество овец по хошунам, но, учитывая последствия падежа скота и бедственное положение аратов, приравнял 10 баранов к одному молодому бычку [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 39. Л. 15].

В 1874 г. по приказу улясута́йского цзянь-цзюня только с Даа-хошуна для воинских нужд было собрано 800 голов овец. Скот был распределен между десятью сумонами хошуна, видимо, с учетом платежеспособности населения. Чангы Балжинмай должен был собрать 350 голов, а чангы Ванчик только 25 [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 60. Л. 34].

Цинские власти в качестве военной провизии закупали скот в Туве. В 1875 г. по приказу улясута́йского цзянь-цзюня необходимо было до середины лета доставить в Улясутай 5262 головы молодых баранов. Олзей-Очур, учитывая невозможность собрать необходимое количество скота за короткий срок, выделил из своего хозяйства 1500 голов. По настойчивому требованию цзянь-цзюня второй раз удалось собрать еще 2028 голов овец, а в качестве отступных цзянь-цзюнь получил взятку — 20 шкур рыси. Но цзянь-цзюнь вновь настаивал на своем, тогда амбын-нойону к концу года удалось собрать 100 ланов серебра и с другими подарками поехать в Улясутай, чтобы получить отсрочку или вовсе не сдавать оставшееся количество скота [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 39. Л. 36, 41; ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 41. Л. 72].

Зачастую случалось так, что цены на скот были значительно ниже рыночных, а иногда его и вовсе забирали бесплатно: «В 1911 г. по Салчакскому и Кемчикским хошунам три чиновника собрали 38 лошадей, ничего за них не заплатили, сами же брали с тувинцев по 7 лан в сутки и съедали по одному барану» [Дулов 1956: 226].

Пограничная повинность. После заключения в 1727 г. Буринского трактата между Цинским Китаем и Россией вдоль пограничных линий были установлены гарнизоны-караулы (тув. *хараалы*). Между пограничными пунктами Богосого-даваа (на востоке) и Шабин-даваа (на западе) были расположены 24 пограничных гарнизона-караула.

К службе пограничных караулов главным образом привлекались араты, которые со своими семьями переезжали на место прохождения службы. В каждом гарнизоне также вместе с семьями проходили службу и цирики (солдаты). Во главе гарнизона обычно ставили маньчжурских офицеров. Если же по каким-либо причинам араты не могли прибыть на место службы в назначенный день, то чангы лишали чина и штрафовали на 3 девятка (голов скота. — А. С.), хунду — лишали чина и штрафовали на 2 девятка, а рядовых приговаривали к 100 ударам плетью [Уложение 1828: 69].

К основным функциям пограничных караулов можно отнести недопущение бегства за границу, проверку документов и разрешений на пересечение границы, а также товаров — на наличие контрабанды и т. д. По маньчжурским законам, бегство за границу, оставление постоянного места проживания без разрешительных документов считалось тяжким преступлением и каралось смертной казнью, а «на семьи казненных налагали штраф в размере двух девяток голов скота в пользу маньчжурской казны» [История Монгольской 1967: 197].

Один раз в три года улясута́йский цзянь-цзюнь вместе с чиновниками приезжал в Туву, чтобы проверить пограничные знаки: «Для поездки цзянь-цзюня со свитой для осмотра северо-западной границы в 1908 г., продолжавшегося целый месяц, потребовалось 19 980 лошадей, 3870 верблюдов, 5760 проводников (улаачы), 1710 юрт, 270 палаток и 2490 баранов» [Дулов 1956: 226]. Все расходы, конечно, несли простые араты.

Для проверки пограничных караулов тувинские хошуны должны были выделить на

5 человек 5 проводников. 9 лошадей, 9 верблюдов, 6 юрт, 3 барана для еды и ямщиков 14 чел. [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 72. Л. 39].

Уртонная повинность. Помимо пограничных караулов, в направлениях, имевших военно-административное значение, были основаны дорожно-почтовые станции (уртоны). Последние были учреждены для военных целей, и поэтому никто не имел права пользоваться почтовыми лошадьми или отправлять частные письма и посылки, но только служебные. В случае использования почтовых лошадей и людей для личных нужд, согласно «Уложению», чиновников понижали «двумя степенями, определяли к другой должности, а высших его начальников за слабое смотрение, понизив одним чином, оставляли при прежней должности» [Уложение 1828: 56].

Всего на территории Тувы было девять уртонов. Уртоны должны были доставлять почту, обеспечивать транспортом, проводниками (улаачы), ночлегом и провиантом проезжающих чиновников и правительственных гонцов (элчи). Расходы, связанные с обслуживанием уртонов легли на плечи аратов, привлекавшихся к выполнению различных трудовых повинностей: пастьба скота, приготовление еды, пошив одежды и т. д.

Уртоны имели военную организацию, сходную с сумонным, т. е. на каждой станции служили чангы, бижээчи (писарь), бошка¹, несколько рядовых и проводников. «Уложением Китайской палаты внешних сношений» было подробно регламентировано: чиновнику какой степени сколько полагается провизии, штат чиновников, количество лошадей, верблюдов, юрт и т. д. Так, высшим чиновникам отпускали одного барана, 8 человек свиты, 16 лошадей; «полковым адъютантам, поручикам и прапорщикам по две бараньих ноги. Унтер-офицерам и рядовым по одной ноге, 1 человека для свиты, 3 лошади» [Уложение 1828: 32].

Хошуны должны были выплачивать им жалование. Так, чангы в качестве жалования получал 60 лан серебра в год, бошка — 36, бижээчи — 27, каждый рядовой — 24, проводники — 18 [Уложение 1828: 18]. Помимо жалования, были и расходы на канцелярские товары, на седла, потники, котлы и другие хозяйственные нужды. По подсчету монгольского историка Ц. Насанбалжира, содержание одного уртона в течение года

обходилось в сумму 540–720 лан серебра. Таким образом, в Туве на все 9 уртонов трагилось до 4860–6480 лан серебра.

Иногда случалось, что обедневшие хошуны не были в состоянии нести уртонную повинность. В 1886 г. по приказу амбын-нойона расходы хошуна ухери-да Хишиг-жаргала были распределены между остальными хошунами Тувы. Хошун ухери-да Дугара должен был выплатить 420 шкур белок или эквивалент деньгами [ГА РТ. Ф. 115. О. 1. Д. 112. Л. 38].

О приезде чиновников сообщали нарочными, которые отправлялись вперед. В свою очередь, амбын-нойон, получив известие о составе чиновников, отправлял приказ правителю хошуна, где в конце приписывал перечень необходимого для их содержания. Если же уртоны по разным причинам не могли обеспечить подводы и продовольствие, то за отказ дать подводы чиновник наказывался одним девятком голов скота, за невыдачу продовольствия взыскивался один бык [Уложение 1828: 61].

Начальниками почтовых станций назначались китайцы или чиновники Палаты Внешних сношений. «В 1900 г. для обслуживания проезжавшего цинского чиновника с его свитой у аратов было взято 286 лошадей, 54 верблюда, 51 юрта, 3 палатки, 300 уздечек, 60 арканов и т. д., причем это только на одной уртельной станции» [Дулов 1956: 225–226]. А в 1908 г. для приезда амбын-нойона каждый уртон, лежавший «на пути следования амбын-нойона, должен был приготовить 64 чел. слуг (улаачы), 222 лошади, 43 верблюда, 19 юрт, 3 палатки и большое число баранов для пропитания чиновника и его большой свиты» [История Тувы 2001: 223].

Пожалуй, сходной с уртонной повинностью была **административная служба**. По «Уложению Китайской Палаты внешних сношений», один раз в 3 года хошуны должны были нести административную службу в ставках улясутайского цзянь-цзюня, амбын-нойона Тувы, в канцеляриях правителей хошунов и сумонов. Расходы на обслуживание управления улясутайского цзянь-цзюня в год обходились около 2700 лан серебра [Монгол Улсын түүх 2004: 199]. Не располагая данными о расходах ставки амбын-нойона Тувы, можем, однако, предположить, что они могли составлять лишь немногим меньше этой суммы. Так же как и в уртонной службе, каждый сумон отправ-

¹ Бошка – низшее должностное лицо.

лял штат чиновников и служителей (кочага¹, медээчи², соодал³) — см.: [Дулов 1956: 226–232] в ставку амбын-нойона. Как писал Г. Н. Потанин, хубсугульские тувинцы «... Уин-огурде (правильно: Оюн угер-да. — А. С.) обязаны барщиной из трех человек в год, которые и отправляются из хошуна на Самогылтай (правильно: Самагалтай. — А. С.), а через три года сменяются» [Потанин 2007: 423].

В административную службу входили разнообразные формы повинностей: трудовая — уход за скотом, дойка, уборка,

приготовление еды и т. д.; транспортная — перевозка чиновников или скота от одного кочевья до другого, доставка документов, писем; общественная — вызов в суд, исполнение судебных решений.

Таким образом, в период пребывания Тувы в составе Цинской империи тувинцы исполняли разного вида подати и повинности. Проникновение русского и китайского торгового капитала, навязанный ими натуральный и долговой характер торговли во многом усугубили и без того тяжелое социально-экономическое положение Тувы.

Источники

Государственный архив Республики Тыва. Ф. 115. Оп. 1 Д. 1, 39, 41, 60, 69, 72, 81, 107, 112, 113, 137.
Уложение Китайской Палаты Внешних Сношений. Перевод С. Липовцева. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. 319 с.

Литература

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. // Урянхай. Тыва дептер. Том 2. М.: Слово, 2007. С. 375–638.
Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 607 с.
История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М.: Наука, 1967. 357 с.

История Тувы. Том I. Новосибирск: Наука, 2001. 366 с.

Монгол Улсын түүх. Дөтгөөр боть. (XVII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: ADMON, 2004. 420 с.

Оюунжаргал Очирин. Манж Чин улсаас монголчуудыг захирсан бодлого. Улаанбаатар: Арвин судар ХХК, 2009. 215 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV // Урянхай. Тыва дептер. Том 2. М.: Слово, 2007. С. 419–495.

Родевич В. М. Урянхайский край и его обитатели // Урянхай. Тыва дептер. Т. 3. М.: Слово, 2007. С. 543–582.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Т. 5. М.: Слово, 2007. С. 202–253.

Sources

[The Regulations of the Chinese Chamber of External Relations]. S. Lipovtsev (transl.). St. Petersburg: Print. shop of Department of National Education, 1828. 319 p. (In Russ.)
[The State Archives of the Republic of Tuva]. Fund 115. Invent. 1. Case 1, 39, 41, 60, 69, 72, 81, 107, 112, 113, 137. (In Russ.)

References

[History of Mongolia. Volume by volume. (XVII – early XX cent.)]. Ulaanbaatar: ADMON, 2004. 420 p. (In Mong.)
[History of Mongolian People's Republic]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1967. 357 p.
[History of Tuva]. Vol. I. Novosibirsk: Nauka, 2001. 366 p. (In Russ.)
Dulov V. I. [Social and Economic History of Tuva (XIX – early XX cent.)]. Moscow: Publ. House

of the USSR Acad. of Sciences, 1956. 607 p. (In Russ.)

Grumm-Grzhimailo G. E. [Western Mongolia and Uryankhai Region]. In: [Uryankhai. Tyva depter]. Vol. 2. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 375–638. (In Russ.)

Oyuunzhargal Ochirin. [The Policy of the Mongols from the Manchu Dynasty]. Ulaanbaatar: Arvin sudar KhKhK, 2009. 215 p. (In Mong.)

Potaniin G. N. [Essays of North-Western Mongolia]. Iss. IV. In: [Uryankhai. Tyva depter]. Vol. 2. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 419–495. (In Russ.)

Rodevich V. M. [Uryankhai Territory and its Inhabitants]. In: [Uryankhai. Tyva depter]. Vol. 3. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 543–582. (In Russ.)

Yakovlev E. K. [Ethnographical Review of the Non-Slavic Population of the Southern Yenisei Valley]. In: [Uryankhai. Tyva depter]. Vol. 5. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 202–253. (In Russ.)